

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.020-035

Е. Г. Комиссарова*

Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки

Аннотация. Целостной и полноразмерной теории родительства, которая бы заключала в себе интегрированные знания о правилах признания лиц родителями и родительских правах и обязанностях, происходящих от такого признания, в семейно-правовой науке нет. Есть сегменты научного знания о происхождении детей и во многом дистанцированные от них знания о родительских правах и обязанностях. Такое восприятие родительства стало одной из причин «безбарьерного», некритичного привнесения в правовой дискурс социобиологического и других эволюционных подходов, продвигаемых за пределами права. Это не только искажает корпус юридических знаний о родительстве, но и не обеспечивает их эвристического развития. Отставание юриспруденции в научном описании родительства и продвижении тех базовых идей, на которых оно устроено в праве, становится все более заметным. Цель статьи — в научном стремлении автора сформулировать теоретическую конструкцию родительства в праве и дать ей юридически квалифицированное научное описание. Авторские суждения подчинены юридико-догматическому подходу, позволяющему исследовать право в виде внутренне непротиворечивой системы логических категорий и юридических конструкций, обеспечивая сопряжение теоретических выводов с действующим законодательством. Ведущими методами являются формально-логический анализ и метод дедукции, позволяющий устремить научную мысль автора от общего к частному. Результаты исследования выражены в следующих авторских выводах. Отсутствие доктрины родительства в праве является серьезным препятствием на пути совершенствования семейного законодательства. Юридическая проблема родительства является двухсоставной, включая нормы о родительском признании и правообязывании лиц, имеющих законный родительский статус. Акцент на этом исключает приписывание родительского статуса лицам, «как бы» выполняющим родительские функции, но не прошедшим нормативные процедуры родительского признания. Структурировать детско-родительские отношения и давать им научное описание методологически верно вокруг той нормативной основы, которая заключает в себе законные правила родительского признания.

Ключевые слова: биологический подход; супружеская презумпция; естественное родительство; закрытое усыновление; родительство по итогам репродукции; гестационная мать; нормативное правообязывание родителей; де-факто родители; социальное родительство.

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Родительство как семейно-правовое явление: теоретический взгляд на действующие нормативные истоки // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 6. — С. 20–35. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.020-035.

© Комиссарова Е. Г., 2022

* Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, Россия, 614919
eg-komissarova@yandex.ru

Parenthood as a Family Law Phenomenon: A Theoretical Look at the Current Normative Origins

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Procedure, Tyumen State University
ul. Bukireva, d. 15, Perm, Russia, 614919
eg-komissarova@yandex.ru

Abstract. There is no holistic and full-scale theory of parenthood that would include integrated knowledge about recognition of persons by parents and parental rights and obligations arising from such recognition, in the science of family law. There are segments of scientific knowledge about the origin of children and largely distanced from them knowledge about parental rights and responsibilities. This perception of parenthood has become one of the reasons for the «barrier-free», uncritical introduction of sociobiological and other evolutionary approaches promoted beyond the law into the legal discourse. This not only distorts the body of legal knowledge about parenthood, but also does not ensure their heuristic development. The lag of jurisprudence in the scientific description of parenthood and the promotion of the basic ideas on which it is based in law is becoming more and more noticeable. The purpose of the paper is in the scientific desire of the author to formulate the theoretical construction of parenthood in law and give it a legally qualified scientific description. The author's judgments are subordinated to a legal-dogmatic approach that allows to study law in the form of an internally consistent system of logical categories and legal constructions, ensuring unification of theoretical conclusions with the current legislation. Leading methods are the method of formal logical analysis and the method of deduction, which allows to direct the scientific thought of the author from the general to the particular. The results of the study are expressed in the following author's conclusions. The absence of the doctrine of parenthood in law is a serious obstacle to the improvement of family legislation. The legal problem of parenthood is twofold. It includes the norms on parental recognition and the norms on legal obligation of persons with legal parental status. The emphasis on this excludes attribution of parental status to persons performing parental functions, but who have not passed the regulatory procedures of parental recognition. It is methodologically correct to structure child-parent relations and give them a scientific description around the normative framework that embodies the legitimate rules of parental recognition.

Keywords: biological approach; marital presumption; natural parenthood; closed adoption; parenting based on the results of reproduction; gestational mother; normative legal obligation of parents; de facto parents; social parenthood.

Cite as: Komissarova EG. Roditelstvo kak semeyno-pravovoe yavlenie: teoreticheskiy vzglyad na deystvuyushchie normativnye istoki [Parenthood as a Family Law Phenomenon: A Theoretical Look at the Current Normative Origins]. *Lex russica*. 2022;75(6):20-35. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.020-035 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение. Тема родительства как часть гуманитарного дискурса становится всё более сложной и извилистой. Юриспруденция занимается ее осмыслением фрагментарно, фактически остановившись на той ступени научной интерпретации явлений, его составляющих, которая зафиксирована в словарях периода раннего постмодерна¹. Полноразмерной научно-теоретической конструкции, способной наиболее полно и интегрированно отразить надстатусные характеристики родительства, в праве нет. Отсутствие этой научной странички в современном правовом дискурсе — достаточно серьезное препятствие для движения по пути совершенствования семейного законодательства.

Нормы о родительском признании и его последствиях — неотъемлемая часть любого правопорядка, а потому нет оснований для утверждения о том, что родительская модель законодателем не сформирована. Она, безусловно, существует, поскольку имеет свои доминантные основания в нормах о происхождении ребенка и приоритетах семейного воспитания. Однако при этом нельзя не признать, что ее доктринальное описание представлено крайне блекло, нечетко, логически не системно и чаще всего без тех нормативных акцентов, на которых законодатель устроил конструкцию родительства. Отсюда парадокс: с одной стороны, праву всегда есть что сказать о родительстве, с другой — в ключевой семейно-правовой

¹ Хазова О. Материнство. Отцовство. Происхождение детей. Правопреемство // Юридическая энциклопедия / под ред. акад. Б. Н. Топорнина. М. : Юрист, 2001.

триаде «супружество — родительство — ребенок» понятие «родительство» оказалось самым «немым», о котором обычно говорится или вообще, или по частям.

Такой стиль работы исследовательской мысли в родительской проблематике последнего двадцатипятилетия не только не отвечает «потребностям правоотношений внешних»², но и уводит в сторону от тех ядерных нормативных идей, что выкованы историческим прошлым и не утратили в части базовых подходов своей актуальности в междисциплинарном, технологическом и глобальном юридическом мире.

Научная вера в то, что российской семье все же удастся создать целостное правовое учение о родительстве, в структуре которого «будет система, взаимосвязь, а во всех деталях — выражение великого фундаментального закона»³, побудила автора обратиться к данной теме. Автор излагает в статье вводные суждения дедуктивного свойства, способные послужить созданию этого учения. Требования к формату статьи и ее объему позволили сделать это в достаточно сжатой форме, в виде теоретических обобщений, имеющих методологическую направленность.

Родительство как правовое явление: значение и интерпретация. В современном мире рядом с родительством неизбежно стоит централизованная государственная сила, которая нормативно фиксирует основания для признания лица родителем и создает его должный образ, рассчитанный на государственно значимый идеологический, демографический, нормативный, социальный и позитивный эмоционально-психологический потенциал. Отсюда три вида законодательно установленного порядка родительского признания: естественное (или биологическое) родительство, родительство вследствие закрытого усыновления и относительно новый вид родительства, дополнивший традиционные пути родительского призна-

ния, — родительство по итогам применения репродуктивных технологий.

Сам термин «родительство» в его гендеризированном значении (мать, отец) введен в научный оборот зарубежью в середине XX в. для целей описания психологии детско-родительских отношений⁴. Для российских гуманитарных наук его многогранность открылась лишь в 1990-е гг. По итогам этого открытия в предметном пространстве социологии, психологии, этнологии, культурологии, политологии и педагогики были созданы внутридисциплинарные концепции родительства. Их общим знаменателем стал факт употребления термина «родительство» в качестве существительного, обозначающего социальное состояние, которое может быть как присвоено лицу законом, так и достигнуто им при выполнении родительской роли. Маркером дисциплинарной специфики стали прилагательные, которыми нагружается термин «родительство» в соответствии со стратегией внутридисциплинарного исследования: социальное, функциональное, непосредственное, неродственное, дисперсное, расколотое, нерезидентное, интенциональное, психологическое, вовлеченное, дистантное, ответственное и др.

Засмотревшись на это межотраслевое разнообразие и не оценив его истоки, юриспруденция не устояла и откликнулась на него не самыми методологически подготовленными суждениями о социальном родительстве, которое есть там, где родитель «не связан с ребенком биологическими узами, но повседневно занимается воспитанием и содержанием ребенка»⁵. Однако совсем неожиданной оказалась реакция одного из региональных законодателей, который принял закон «Об ответственном родительстве»⁶, по которому в число ответственных родителей вошли отец, мать, усыновители, опекуны и попечители. В обход существующей законодательной стратегии, ориентированной на правоустановленные

² Михеева Л. Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

³ Баховен И. Я. Материнское право / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова // Классики мирового религиоведения. М. : Канон+, 1996. С. 224.

⁴ Benedekt Th. Parenthood as a developmental phase: A contribution to the libido theory // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1959. № 7. P. 389–417.

⁵ Ерохина Е. В. Семейно-правовые ценности в российском и европейском семейном праве: Оренбург : Агентство «Пресса», 2018. С. 33.

⁶ Закон Республики Саха (Якутия) от 14.03.2016 1604-3 № 737-V «Об ответственном родительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

виды родительства, в пояснительной записке к законопроекту была анонсирована «долгосрочная перспектива дальнейшей реализации ответственного родительства в федеральном статусе».

Нет спора в том, что в ответственном родительстве заинтересованы не только регионы, но и государство в целом. Однако очевидно и то, что не дело законодателя (в данном случае регионального) рассуждать о неюридических качествах родительства, определяя одно юридически неизвестное через другое столь же неизвестное. Определение ответственного родительства через неведомую «совокупность основополагающих правил, установленных в нормативном правовом акте, который определяет родительство как ответственное, следующее элементам правовых норм и юридической ответственности» (курсив мой. — Е. К.), ничего, кроме «хаотичного реагирования на отдельные вызовы времени»⁷, не несет. Термин, уместный в политических стратегиях⁸, опирающихся не только на юридические инструменты при следовании им, не может определяться на уровне закона, претендуя на правовое регулирование того, что существует на уровне культуры, морали и эмоциональности. Культура родительства, отраженная в психологической концепции ответственного родительства, и правоустановленное родительство «по закону» — это далеко не одно и то же.

В правовом пространстве родительство — это прежде всего биологическая данность, обеспечивающая качество последующего родительского воспитания, эмоциональную и эконо-

мическую связанность родителей и детей. Во всех странах мира это исходное установление встроено в нормы семейного законодательства и семейную политику. Его обеспечению служат юридические инструменты нормирования отношений родства, происхождения и семейного воспитания ребенка. В праве эти нормы составляют монолит, в структуре которого все части взаимосвязаны, что соответствует антропологическим канонам, согласно которым «ни одна культура не сможет выжить, если рождение детей не будет связано как с матерью, так и с отцом в законном родительстве»⁹.

Не самые удачные попытки определить родительство в праве как «процесс идентификации конкретных взрослых (родителей), которые признаны имеющими особые связи с конкретными детьми, предполагающий родительскую заботу и соответствующее социальное позиционирование»¹⁰, уже предпринимались в юриспруденции. Нужны ли такие определения в условиях неизвестности того методологического подхода, на котором они устроены, вопрос спорный. Однако маркеры того, что доктрина проявляет некую чувствительность к недостатку предпонимания того, что представляет собой родительство в праве как цельное явление, они все же несут, побуждая ее представителей задуматься о том, существует ли право родительства как таковое и что оно собой представляет¹¹.

Естественное родительство. Заботясь о детском благополучии, каждая правовая система сама решает, кого можно назвать родителем ребенка¹². Но биологическое происхождение ребенка от конкретных родителей составляет

⁷ Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева ; Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ. М. : Статут, 2019. С. 384.

⁸ Об ответственном родительстве говорится в распоряжении Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

⁹ Малиновский Р. Семья среди австралийских аборигенов: социологическое исследование. Лондон : Изд-во Лондонского университета, 1913. С. 12. См. также: Levi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston : Beacon Press, 1969.

¹⁰ Смирновская С. И. Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 171.

¹¹ Елисеева А. А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3 (159). С. 82–89.

¹² Наиболее широким нормативное понятие родительства является в странах общего права, что предопределено тесным сопряжением юридических теорий с социологическим и прецедентно-казуистическим правом. Законодательства этих стран помимо ведущего и основополагающего биологического родительства называют fosterное, приемное, социальное, фактическое родительство. Ближе к законодательству этих стран стоит законодательство Нидерландов, указывающее на приемное и социальное

естественную основу родительства во всех странах, законодательно регламентирующих статус родителей. В этом основная причина того, что нормы о ребенке вошли в семейное законодательство всех стран в тесном сопряжении с нормами о родителях¹³, и это свидетельствует о том, что ребенок рассматривается нормами права не иначе как продолжение биологических родителей, ребенок вправе их знать и воспитываться ими.

Для законодателя такой подход является перспективным со всех позиций: кровная связь между родителем и ребенком выступает важным фактором внутрисемейной гармонии и семейного воспитания ребенка¹⁴; политика демографического воспроизводства населения является нормативно заданной; социально-экономическое развитие страны, основанное на благоприятном демографическом режиме, стабильно и предсказуемо.

Поддержание строгого разделения между теми, кто может быть обладателем правоустановленного родительского статуса и кто нет, является традицией всех европейских стран, которая соблюдается с целью придания лицам, получившим родительское признание, исключительного статуса. Эту исключительность поддерживает биологический подход в совокупности с презумпцией брака (ст. 48 СК РФ), находя свое отражение в систематике действующего семейного законодательства.

Презумпция брака возглавляет и направляет систему естественного родительского призна-

ния. На этом базируются семейная политика государства и законодательство, хранящие идею должного образа детско-родительских отношений, в которых родовое и социальное происхождение принадлежат одним и тем же лицам.

Несмотря на то что в таком законодательном решении скрываются возможные отклонения от биологического родительства со стороны отца, которое, в отличие от материнства, «чи биологические и юридические родительские связи всегда путешествовали вместе как внутри, так и вне брака»¹⁵, может и в браке оказаться небιологическим¹⁶, закон не закрывает пути к родительскому признанию для отца, с которым мать не состоит в браке (п. 3 ст. 48, ст. 49, 50 СК РФ). В этом видится стремление законодателя поддержать привилегию кровного происхождения за счет согласия матери на отцовство ребенка, рожденного вне брака, или посредством заявления отца ребенка о факте признания отцовства с возможностью его судебного признания (п. 3 ст. 48 СК РФ).

Базовые родительские схемы, связанные с отношениями, возникающими при естественном происхождении ребенка от кровных родителей, давно описаны во множестве междисциплинарных и юридических исследований, в которых подробно изложены эволюционная история норм о происхождении ребенка и правила родительского признания. Переписывать эти схемы в рамках статьи нет ни смысла, ни оснований — все они отражают исходную идею об уважении гендерно-дифференцированного

родительство. Дополнения к нормам о биологическом родительстве есть в законодательстве Германии и Франции, где указывается на случаи социального родительства.

¹³ В российском СК РФ это гл. 10, 11, 12.

¹⁴ В рамках теории родственного отбора науки о поведении человека продолжает обосновываться тот факт, что инклюзивная пригодность естественного родительства, при котором один человек поделился с другим своим биологическим материалом, имеет большее стремление к гуманному поведению, более эффективным и плодотворным отношениям. А биологическая близость играет также решающую роль в альтруистическом поведении, давая больше шансов для филантропической предрасположенности друг к другу лицами, ею связанными. См.: *Hamilton W. D. Genetic evolution of social behavior // Journal of Theoretical Biology. 1964. № 7 (1/2). P. 1–52 ; Hamilton L., Cheng S. and Powell B. Foster parents, adaptive parents: assessing the importance of biological connections for parental investments // American Sociological Review. 2007. № 72. P. 95–116 ; Акинкина Я. М. Принципы «естественного родительства» в современных семьях // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 103–109.*

¹⁵ *NeJaime D. The Nature of Parenthood // Law Journal. 2260 (2017). Yale Law School, Public Law Research Paper. № 604. URL: <https://ssrn.com/abstract=2990640>.*

¹⁶ См. об этом более подробно: *Ильина О. Ю. Права отцов: де-юре и де-факто. М. : Городец, 2007 ; Краснова Т. В., Алексеева Е. В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского государственного университета. Юридические науки. 2016. Вып. 34. С. 426–439 ; Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. 2018. № 29 (41). С. 58–60.*

брачного союза и биологически-кровного, или естественного, происхождения ребенка. Краткая остановка на этих заглавных, ключевых и системообразующих аспектах является доктринально необходимой по причине участвовавших случаев их пролистывания или даже перешагивания при построении научных суждений, ориентированных на другие основания родительского признания.

Усыновление ребенка как основание для признания законного родительства. Волеизъявительные основания приобретения права родительства исторически не новы. Элементы волеизъявительности не раз вмешивались в историю родительства на его длительном историческом пути, обеспечивая тем самым определенную подвижность строгой канонической системы родительского признания «в государственных интересах». Изначально они были скрыты в теме незаконнорожденности и крайне запутанном дореволюционном порядке усыновления детей представителями разных сословий, это создавало прецеденты, подтверждающие возможность не только стать родителем по естественному происхождению, но и быть приравненным к родителю «по происхождению» именем церкви, а позднее государства.

Современный российский законодатель, твердо придерживающийся правила двух родителей, признает исключительно закрытое (полное, конфиденциальное, секретное) усыновление. Только в этом случае у усыновителей ребенка может возникнуть такой же статус, который изначально зафиксирован для естественных родителей с их совпадающими биологическими, генетическими и социальными признаками.

Ориентир на аналог кровного родства и воспроизведение естественной семьи при усыновлении получил поддержку за счет юридических фикций, которые обеспечили создание системы правил о родительском признании для усыновителей: возможности перемены имени усыновляемого, изменения даты и места рождения

ребенка, недоступность подлинных записей о его рождении, отказ законодателя поддерживать право на общение усыновленного с родственниками «из прошлого» и недоступность информации об их статусе, наконец, сокрытие самого факта усыновления. Последним поддерживается сила юридических последствий закрытого усыновления в виде приравнивания усыновленного и усыновителей в личных неимущественных и имущественных отношениях к родственникам по происхождению (ст. 137 СК РФ).

До недавнего времени эти фикционные приемы, имеющие целью «перерегулировать» первичное происхождение ребенка, считались как необходимыми, так и достаточными. Поддержанию их достаточности служило предположение о том, что неизбежный при усыновлении факт родительской раздвоенности, скрытый от ребенка и окружающих, способствует детскому благополучию и ничьих прав не ущемляет. А право ребенка «знать своих родителей» (п. 2 ст. 54 СК РФ) как его неотъемлемое личное право — это только для детей, произошедших от биологических родителей.

Все изменилось с принятием Европейской конвенции об усыновлении детей 2008 г. (пересмотренной)¹⁷, привнесшей понимание того, что в фикциях, обеспечивающих закрытое усыновление, есть не только статические (фиксирующие) аспекты, но и динамические, имеющие отношение к долгосрочным пожизненным последствиям в судьбе усыновленного ребенка. Пункт 3 ст. 22 Конвенции о том, что «у суда есть право отменить тайну усыновления, даже если национальные законы допускают анонимность», стал прорывным. Россия не является участником этой Конвенции, но указанная норма все-таки послужила неформальным ориентиром для российской практики конституционного правоприменения и практики Верховного Суда РФ, шагнувших дальше фикций, наполняющих тайну усыновления¹⁸. На данном этапе этот шаг ограничен так называемой слабой версией детской идентичности, но то неприкасаемое

¹⁷ Принята Комитетом министров Совета Европы на 118-й сессии 7 мая 2008 г. (ЕТС № 58). Открыта для подписания 27 ноября 2008 г. Ратифицирована Данией, Финляндией, Нидерландами, Норвегией, Румынией, Испанией, Украиной. Вступила в силу 1 сентября 2011 г. (доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ См.: п. 4 постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гузиной» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/ (дата обращения: 10.12.2021) ; определение Верховного Суда РФ № 48-КГ18-16 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

положение, согласно которому от тайны усыновления немыслимо было отклониться, если ее не раскрыли сами усыновители или «добрые люди» (с непредсказуемыми последствиями), впервые оценено с другой точки зрения.

Эти правоприменительные тенденции стали для семейно-правовой науки сигналом о том, что вечность юридических фикций, безвозвратно отсекающих биологическое родство усыновленного ребенка и формально заменяющих его на родство юридическое, в XXI в. оказалась небесспорной. Но при этом сама идея о приоритете биологического подхода и возможности его распространения с помощью фикций на усыновителей оказалась непоколебимой. А мелькнувшая было политическая¹⁹ и доктринальная идея о переходе к открытому усыновлению²⁰, вызвав поток вторичного и методологически облегченного знания в виде мнений за или против тайны усыновления²¹, угасла, так и не воплотившись.

Исключить научную и законодательную жизнеспособность идеи открытого усыновления нельзя. Однако крайне важно, чтобы любые рассуждения в пользу ее развития получили не только простое сопряжение с универсальным аргументом о наилучших интересах ребенка

и его праве знать свое происхождение, но и с учением о родительстве в целом и системой оснований родительского признания в частности. Пока таких подходов в науке семейного права нет.

Родительство по итогам репродукции²². Как заметил исследователь материнского права, внесший значительный вклад в развитие науки о родстве и семье, швейцарский этнограф и юрист И. Я. Баховен (1815–1887 г.), «там, где нельзя рассчитывать на познания предшественников, следует прежде всего проверять конкретные детали. Только богатство деталей позволяет отличать существенное от случайного, а закономерное и всеобщее — от локального»²³. Тема гестационного суррогатного материнства оказалась из таких: предшественников нет, юридические детали, касающиеся законодательной приверженности к биологическому подходу, проанализированы не особенно тщательно.

Появление в пространстве права таких лиц, как «гестационный трудник», или гестационная (принимающая) суррогатная мать, и собственники репродуктивного материала — потенциальные родители²⁴, привело к утрате такого качества родительского признания со сторо-

¹⁹ Тезис о переходе к открытому усыновлению был зафиксирован в разд. 5 п. 3 ч. 9 Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы (принята Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761; СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994).

²⁰ Темникова Н. А. Государственная регистрация усыновления (удочерения) в свете перехода к открытому усыновлению // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». 2013. № 2 (35). С. 92–97.

²¹ Более подробно об этом см.: Комиссарова Е. Г. Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам // Lex russica. 2022. Т. 75. № 3. С. 19–33.

²² Термин «вспомогательные репродуктивные технологии», как известно, относится ко множеству различных видов вспомогательных репродуктивных методов лечения, начиная от таких форм обработки репродуктивного материала, как искусственное оплодотворение, экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное простое и полное (гестационное) материнство, до отбора и манипулирования генетическим материалом. В силу ограниченного объема статьи в этом подразделе автор останавливается на таком наиболее спорном и рисковом в смысле последствий для биоэтики, политики, права, религии, этики и культуры в виде репродуктивного лечения, как гестационное суррогатное материнство, исключая из сферы внимания случаи лечения, основанные на генетическом донорстве, при котором заинтересованность носителей донорских гамет в родительском признании отсутствует. О таких случаях родительского признания см.: Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 21–31.

²³ Баховен И. Я. Материнское право. С. 226.

²⁴ Термин «потенциальные родители» (в литературе применяются также термины «преднамеренные родители», «заказчики», «генетические родители») здесь и далее по тексту используется в соответствии с Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (ред. от 29.12.2017; СЗ РФ. 2011. № 29. Ст. 1). Более дробная социальная терминология для целей вспомогательной репродукции была выработана еще в 1983 г. Робертом Сноуденом и его коллегами: «генетиче-

ны матери, как его бесспорность. Правила о материнском признании, которое по большей части не является тайной по причине очевидности фактов беременности и родов, обрели определенную подвижность. Женщина (потенциальная мать ребенка) может быть признана законной матерью, когда она генетически связана с ребенком, рожденным гестационной суррогатной матерью (абз. 1 п. 4 ст. 51 СК РФ). И женщина (гестационная суррогатная мать) может стать законной матерью, когда она рождает ребенка, генетически связанного с другой женщиной (абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ).

Если прежде потерять статус матери можно было лишь вследствие собственного отказа или лишения его по непригодности, то с появлением нормы, заключенной в абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ, не получить этот статус стало возможным в случае согласия гестационной суррогатной матери на запись в качестве родителей ребенка лиц, состоящих в браке и письменно согласившихся на имплантацию эмбриона. При отсутствии такого согласия родительское признание получает суррогатная мать.

Несмотря на то что случаи, фиксирующие факт отказа суррогатной матери дать согласие потенциальным родителям ребенка на запись в качестве законных родителей, не самые частые в практике суррогатного материнства, доктрина погрузилась в нескончаемый спор с законодателем. Для этого проведено несметное число исследований о природе договора суррогатного материнства, в «теле» которого фиксируется согласие суррогатной матери передать ребенка, высказана масса не всегда методологически верных суждений о несогласии с законодателем, «даровавшим привилегированное право суррогатной матери быть родителем»²⁵. Вопрос же о том, как соотносится правило п. 4 ст. 51 СК РФ с биологическим подходом, на котором традиционно основано законное родительское

признание, из доктринальной аналитики фактически выпал.

Не стоит отрицать, что появление нормы об альтернативном материнстве поколебало законодательные представления о цельности и универсальной значимости биологического родительства. Поколебало, но, несмотря на то, что родительский статус гестационной матери возникает не без участия третьих лиц, все же не отменило юридический приоритет и социальную значимость такого родительства. Принципиально новой нормативной схемы родительского признания, в которой отсутствует биологический подход или ракурс внимания однозначно смещен в пользу подхода генетического, не возникло. Изменения произошли за счет удлинения уже известной «чистой линии биологического происхождения» в связи с законодательным допущением того, что материнство может быть не только биологически и генетически совпадающим, но и раздельным.

При этом удлинение совсем не означает того, что логика репродуктивного вмешательства на уровне гестационного суррогатного материнства оказалась не связанной с биологическим критерием родительского признания, хотя на самый первый и не особо внимательный взгляд этот критерий и выглядит легко подавляемым аргументом в пользу суждения о преднамеренности генетических родителей обрести родительское признание.

Если правильно интерпретировать п. 4 ст. 51 СК РФ, то очевидно, что в нем приоритет родительства отдан суррогатной матери, но с альтернативой его законного признания за потенциальными родителями при наличии согласия суррогатной матери²⁶. Тем самым концепция законного родительства, основанная на биологическом происхождении, осталась практически в нетронутom состоянии, сохраняя два необходимых измерения: «порядок природы»

ская мать», «вынашивающая мать», «кормящая мать», «обобщенная мать» (сочетающая все эти функции), «генетический отец», «социальный отец» и «обобщенный отец». См.: Snowden R., Mitchell G. D., Snowden E. Artificial Reproduction: a social investigation. London ; Boston : G. Allen & Unwin, 1983.

²⁵ Лаврентьева Т. В. Трудности применения суррогатного материнства как одного из методов вспомогательных репродуктивных технологий // Право и государство: теория и практика. 2018. № 9. С. 102.

²⁶ Согласно п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», при государственной регистрации рождения ребенка по заявлению супругов, давших согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, одновременно с документом, подтверждающим факт рождения ребенка, должен быть представлен документ, выданный медицинской организацией и подтверждающий получение согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери), на запись указанных супругов его родителями.

и «порядок закона»²⁷. Законодатель лишь учел интересы третьих лиц — потенциальных родителей, помогающих процессу репродукции. Однако эта нормативная идея оказалась скрытой за технико-юридическими упущениями.

Поскольку законодатель не лишил биологическую мать родительского признания, в пункте 4 ст. 51 СК РФ абзац первый надлежало посвятить ее праву на родительское признание, в то время как следующий абзац отвести потенциальным родителям, чье родительское признание зависит от согласия этой матери и наступления/ненаступления многообразных рисков гестационной беременности. В случае отказа суррогатной матери передать ребенка генетическим родителям происходит не что иное, как признание за ней обычного традиционного биологического родительства. Потенциальные же родители остаются в роли фактических родителей с выводом их за рамки юридического признания.

Понимание того, что риски суррогатного материнства во многом реальны для всех его участников и их возможные (медицинские, морально-этические, экономические) последствия нельзя оставлять без судебной поддержки, обеспечило принятие акта обобщения судебной практики²⁸. По понятным причинам цель его не в переопределении законодательных ориентиров в теме родительского признания, а в предоставлении состязательных возможностей разным лицам, притязающим на родительство в отношении одного и того же ребенка. Исходной идеи естественного происхождения ребенка, согласно которой законодатель искал и продолжает искать связь с биологической реальностью, оно не отменяет, но позволяет суду, рассматривающему спор, выслушать всех участников и учесть все его обстоятельства.

Моральная небеспроблемность возможных последствий гестационного материнства

для потенциальных родителей стала предметом многочисленных теоретических споров, которые были бы более продуктивными, если бы юристы не столько опирались на эмпирику и эмоции, сколько учитывали логику законодательного решения, связанного с биологическим подходом к правилам родительского признания. Игнорирование этой логики со смещением методологических рамок дискуссии в сторону целей и задач вспомогательного репродуктивного лечения и нескрываемого на уровне мнений сочувствия к рискованной участи потенциальных родителей придавало ей в большей степени физиологическую направленность. Юридические критерии родительского признания с его биологическими приоритетами оказались вторичными, привнеся в доктрину не столько научные взгляды на проблему, сколько поток прагматики и утилитаризма о том, «как должно быть».

Осязаемый результат конфликта правового и «физиологического» мышления по проблеме распределения родительского признания вылился в законопроект²⁹, инициаторы которого прямо указали на то, что «решение, предложенное в законе, является неверным, так как не отвечает интересам всех участников процесса суррогатного материнства, и прежде всего интересам лиц, ожидающих ребенка»³⁰.

Понятие «интерес лиц, ожидающих ребенка» еще менее юридически ясное, чем понятие «намерение», на которое в цепочке причинно-следственных связей опираются сторонники безусловного признания законного родительства за потенциальными родителями. Оба понятия, являясь частью интенционального подхода, в котором ведущую роль играет исходная заинтересованность потенциальных родителей в виде их рискованного положения, всего лишь «выполняют исключительно моральную работу»³¹ и никак не влияют на законодатель-

²⁷ Воронина О. А. «Новое материнство»: философско-антропологический взгляд // Философская школа. 2018. № 6. С. 104–109.

²⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «Консультант-Плюс».

²⁹ Проект федерального закона № 1177252-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 16 Федерального закона “Об актах гражданского состояния” в части применения вспомогательных репродуктивных технологий» (внесен в Государственную Думу 19.09.2016) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1177252-6>.

³⁰ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 1177252-6. С. 4 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1177252-6>.

³¹ Bayne T. A. Toward a Pluralist Account of Parenthood // Bioethics. 2003. Vol. 17. № 3. P. 221–242.

ную позицию в части сохранения родительского приоритета за биологической матерью.

Без какого-либо преувеличения можно сказать, что научная ситуация сегодня выглядит так, как будто норма абз. 1 п. 1 ст. 51 СК РФ и договор о суррогатном материнстве уже вытеснили биологический критерий, отдав первенство подходу генетическому. Взвешенные научные контраргументы о том, что вне зависимости от того, каким образом произошло зачатие ребенка, чей генетический материал использован при зачатии, каковы были мотивы заключения договора суррогатного материнства, женщину, родившую ребенка, нельзя лишать естественного права материнства³², остаются неслышимыми.

Не помогает и сила цивилистических аргументов о том, что договор о суррогатном материнстве по многим критериям «не втискивается в прокрустово ложе обязательств», не отвечает теории и тем последствиям, которые они порождают³³. Количественное богатство уже высказанных квалификационных суждений о данном договоре³⁴ никак не развернется в сторону накопления богатства качественного. Без этого ход дискуссии о данном договоре не скорректировать, а значит, не привнести в науку понимание о том, что по шаблону коммерческой сделки, которому неведомы юридические каноны родительского признания, такие договоры рассматривать нельзя.

Известность имеющихся и новых аргументов в пользу биологического подхода³⁵ не умень-

шила числа законодательных оппонентов. Они редко задаются вопросом о том, стоит ли отвергать биологический подход как законодательно базовый, в котором заложен не только политический, но и демографический, социально-культурный и психологический потенциал родительства. Этот важнейший вопрос сегодня как никогда заслуживает внимания со стороны семейно-правовой науки. Но, увлекшись медицинской терминологией в угоду целям репродуктивного лечения с параллельной ее выгрузкой в пространство гражданского и семейного права, юриспруденция (может быть, не замечая того) работает совсем не на цели права, а на узкую группу политических и медицинских защитников коммерческого суррогатного материнства. Понятно, что желаемой юридической поучительности и эвристической перспективы такие труды, коих несть числа, не обеспечивают. Зато они вносят серьезную помеху в понимание родительства как юридического явления, которое для юриста должно выглядеть не как набор автономных правил о том или ином случае родительства, а исключительно как их система.

Социальное родительство в пространстве права: пределы легализации. В попытке закрыть теоретические и нормативные лакуны, все чаще открывающиеся в традиционных родительских схемах, юриспруденция время от времени упоминает о родительстве социальном³⁶, утверждая, что этот вид родительства «для российского права не совсем чуждое явле-

³² Косова О. Ю. О концептуальной основе развития российского семейного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 35–40.

³³ Останина Е. А. Обязательства в сфере семейных отношений, отношений опеки и суррогатного материнства // Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 182, 187.

³⁴ Обзор многочисленных взглядов о том, какие гражданско-правовые квалификации присвоены договору о суррогатном материнстве, см.: Алборов С. В. Правоотношения в сфере суррогатного материнства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 142–146.

³⁵ См.: Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. 2019. № 1. С. 29–39.

³⁶ Кириченко К. А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник НГУ. Серия «Право». 2007. Т. 3. Вып. 2. С. 18–27; Нижник Н. С., Бурданова Н. А. Критерии определения субъектов родительских правоотношений: биологический и социальные подходы // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: материалы VIII Международной научно-теоретической конференции: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007. Ч. 1; Некрасова Е. Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 4. С. 298–303; Гусев М. А. Институт отцовства в Республике Казахстан: проблемы правового обеспечения: дис. ... д-ра философии (PhD) / Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. Алматы, 2020.

ние»³⁷. Но поскольку методология исследования явления, стоящего за ним, и соотношения его с родительством законным остается непознанной, то и семантика термина, его обозначающего, оставаясь блуждающей, не несет в себе той логической ясности, которая необходима праву.

Юридические попытки совместить логику законного родительства и логику вычленения родительства социального, в основе которого нет презумпции брака, биолого-генетического или юридического происхождения ребенка, — трудно формализуемая задача. Как и любое сопоставление того, что формализовано правом, имеет характер нормативного, и того, что находится за его пределами, оно не безбарьерно. Как это сделать, не разрушив существующие приоритеты биологического происхождения и не столкнув родительство законное, в которое уже встроены качества социальности, и родительство социальное, — тема для отдельных научных размышлений.

Определенная их часть уже высказана автором настоящей статьи³⁸. Поэтому в рамках данного исследования автор ограничится лишь суждениями методологического толка, позволяющими обосновать условия введения понятия «социальное родительство» в доктринальный словарь юриспруденции, не навредив при этом концепции законного родительства.

Причины проникновения терминов «социальные родители», «социальный отец», «социальная мать» в пространство права в основном связываются с технологиями вспомогательного репродуктивного лечения³⁹. Но, как оказалось, оглашение этих причин не облегчило понимания сущности социального

родительства, которое могло бы стать ключом к определению его места в юриспруденции. Поэтому представляется уместным сформулировать необходимые логико-теоретические посылы, значимые для перспективы будущих исследований темы социального родительства в правовом контексте.

Понятие «социальное родительство» не имеет связи с такими пороговыми конструкциями родительского права, как родство и его ответвление в виде происхождения (детей). В этом смысле формально-логическая концепция законного родительства остается неприкосновенной, что свидетельствует о том, что «бытовое понимание социального родительства расходится с юридическими отношениями родительства»⁴⁰.

В основе вычленения термина «социальное родительство» лежит не юридическое, а фактическое положение взрослого лица в его отношениях с ребенком. На языке социологии такое положение является синонимом социальной роли, которая в рамках семьи носит исключительно воспитательный характер. Праву такие де-факто статусы или роли известны под именами отчима/мачехи (ст. 97 СК РФ) и фактического воспитателя (ст. 96 СК РФ)⁴¹. Понимание этих границ исключает восприятие социального родительства как явления, подменяющего законное родительство. Не связано это понятие и с фактами дестабилизации детско-родительских отношений, для нейтрализации которых необходим связующий властный элемент социального обеспечения, поставляемый государством. Но такие ошибки есть как в доктрине, так и на уровне не самой удачной законотворческой практики⁴².

³⁷ Усачева Е. А. Социальное отцовство (материнство): постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 116.

³⁸ См.: Комиссарова Е. Г. Социальные понятия в науке семейного права (на примере понятия «социальные родители») // Ex jure. 2021. № 4. С. 21–33.

³⁹ Антокольская М. В. Семейное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 2002.

⁴⁰ Edwards R., McCarthy J., Gillies V. Biological parents and social families: Legal discourses and everyday understandings of the position of stepparents // International Journal of Law, Policy and the Family. 1999. № 13. P. 92. URL: <https://socresonline.org.uk/7/1/edwards.html>.

⁴¹ Как отмечается в обзорах судебной практики, обычно такими лицами являются бабушки (дедушки), старшие брат или сестра, тетя (дядя), друзья, соседи. См.: информационное письмо Свердловского областного суда «Об актуальных вопросах рассмотрения споров о взыскании алиментов» (утв. Президиумом Свердловского областного суда 23 окт. 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² Законопроект № 649634-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи детей на социальное воспитание» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/649934-6>.

Термин «социальное родительство» является зонтичным. Это следствие того, что под ним «скрывается не одна, а множество социальных реалий»⁴³, не охваченных правом. Перечень таких реалий достаточно обширен. Кроме отчима, мачехи и фактических воспитателей к ним можно отнести: потенциальных родителей, не получивших законного родительского признания из-за несогласия суррогатной матери передать ребенка (абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ); фактических отца и мать, имеющих право оспорить отцовство (материнство) других лиц (п. 1 ст. 52 СК РФ); мать, отказавшуюся от ребенка при его рождении; родителей, лишенных родительских прав и перешедших в разряд фактических родителей; законного родителя, потерявшего этот статус по итогам генетического тестирования; сожителей или спутников жизни матерей/отцов, не состоящих в браке и не являющихся биологическими/генетическими родителями ребенка.

Пока правовое постижение темы социального родительства в большей степени напоминает теоретические вылазки представителей юриспруденции в пространство социологической науки, охотно обсуждающей этот феномен, с нежеланием вспоминать о том, что каждая предметная область применяет собственные методы исследования. Отказ учитывать это грозит серьезными методологическими ошибками, каких в семейно-правовой науке уже хватает. Для теоретического прорыва в разработке этой темы на данном этапе необходимо тщательно исследовать совсем не познанную проблематику личных неимущественных отношений отчима/мачехи и пасынка/падчерицы, а также фактических воспитателей и фактических воспитанников. В ней лежит ключ к адекватному

юридическому пониманию проблемы социального родительства.

Эти темы стабильно имеют маркер второстепенных, в них мало законодательных подсказок, они трудны для юридического познания в силу слабой уловимости правом сущностной стороны таких отношений. Долгое пребывание в разряде «малых» тем сделало их менее уважаемыми доктриной, они воспринимаются как те, которые можно исследовать на бегу, косвенно или не исследовать совсем⁴⁴. Но, как оказалось, традиционно считаясь «малыми», эти темы способны демонстрировать свой истинный теоретический ресурс там, где в условиях внешних и внутренних вызовов на первое место выходят адаптивные законодательные стратегии. Проблема социального родительства, опирающаяся на данный ресурс, как раз из разряда таких стратегий.

Заключение. От того, как понимается родительство в праве, зависит очень многое: понимание семьи, на которое ориентируется законодатель, границы категории «семейная правосубъектность ребенка», основания признания лица законным родителем и множество иных правовых конструкций, которые предприняли систематику действующего семейного законодательства. Традиционная модель законного родительского признания организована вокруг биологической матери и супружеской презумпции. Но этот факт часто выпадает из исследовательских взглядов, основанных на узкотематических задачах. Исключить такое положение можно и нужно, создав теоретически полноразмерную модель законного родительства. Постановочный шаг сделан, дело за научным диалогом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акинкина Я. М. Принципы «естественного родительства» в современных семьях // Современная зарубежная психология. — 2020. — Т. 9. — № 4. — С. 103–109.
2. Алборов С. В. Правоотношения в сфере суррогатного материнства // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5. — С. 142–146.
3. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2002. — 336 с.
4. Баховен И. Я. Материнское право / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова // Классики мирового религиоведения. — М. : Канон+, 1996. — 270 с.

⁴³ Vaskovics L. Soziale Elternschaft // The Editors of the Journal. 2020. № 23. P. 270.

⁴⁴ Подробнее о фактическом воспитании ребенка как одном из видов социального родительства см.: Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 130–153.

5. Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 8. — С. 21–31.
6. Воронина О. А. «Новое материнство»: философско-антропологический взгляд // Философская школа. — 2018. — № 6. — С. 104–109.
7. Гусев М. А. Институт отцовства в Республике Казахстан: проблемы правового обеспечения : дис. ... д-ра философии (PhD) / Казахский национальный университет имени Аль-Фараби. — Алматы, 2020. — 146 с.
8. Елисеева А. А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. — 2010. — № 3 (159). — С. 82–89.
9. Ерохина Е. В. Семейно-правовые ценности в российском и европейском семейном праве. — Оренбург : Агентство «Пресса», 2018. — 118 с.
10. Ильина О. Ю. Права отцов: де-юре и де-факто. — М. : Городец, 2007. — 189 с.
11. Кириченко К. А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник НГУ. Серия «Право». — 2007. — Т. 3. — Вып. 2. — С. 18–27.
12. Комиссарова Е. Г. Отношения по фактическому воспитанию ребенка: проблемы семейно-правовой институционализации // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 1. — С. 130–153.
13. Комиссарова Е. Г. Социальные понятия в науке семейного права (на примере понятия «социальные родители») // Ex jure. — 2021. — № 4. — С. 21–33.
14. Комиссарова Е. Г. Тайна усыновления в семейном праве постмодерна: новые подходы к старым канонам // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 3. — С. 19–33.
15. Косова О. Ю. О концептуальной основе развития российского семейного законодательства // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 5. — С. 35–40.
16. Краснова Т. В., Алексеева Е. В. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского государственного университета. Юридические науки. — 2016. — Вып. 34. — С. 426–439.
17. Лаврентьева Т. В. Трудности применения суррогатного материнства как одного из методов вспомогательных репродуктивных технологий // Право и государство: теория и практика. — 2018. — № 9. — С. 100–104.
18. Малиновский Р. Семья среди австралийских аборигенов: социологическое исследование. — Лондон : Изд-во Лондонского университета, 1913. — 358 с.
19. Михеева Л. Ю. Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 3. — С. 3–5.
20. Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства. Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева ; Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ. — М. : Статут, 2019. — 492 с.
21. Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (суррогатное материнство) // Lex russica. — 2019. — № 1. — С. 29–39.
22. Некрасова Е. Некоторые особенности возникновения родительских прав и обязанностей в странах Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — № 4. — С. 298–303.
23. Нижник Н. С., Бурданова Н. А. Критерии определения субъектов родительских правоотношений: биологический и социальные подходы // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика : материалы VIII Международной научно-теоретической конференции : в 2 ч. — СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007. — Ч. 1. — 411 с.
24. Останина Е. А. Обязательства в сфере семейных отношений, отношений опеки и суррогатного материнства // Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2022. — 1494 с.
25. Смирновская С. И. Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — 176 с.
26. Темникова Н. А. Государственная регистрация усыновления (удочерения) в свете перехода к открытому усыновлению // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». — 2013. — № 2 (35). — С. 92–97.
27. Хазова О. Материнство. Отцовство. Происхождение детей. Правопреемство // Юридическая энциклопедия / под ред. акад. Б. Н. Топорнина. — М. : Юрист, 2001. — 1267 с.

28. Черепанин Е. Ю. Презумпция отцовства: постановка проблемы // Вопросы науки и образования. — 2018. — № 29 (41). — С. 58–60.
29. Bayne T. A. Toward a Pluralist Account of Parenthood // Bioethics. — 2003. — Vol. 17. — № 3. — P. 221–242.
30. Benedekt Th. Parenthood as a developmental phase: A contribution to the libido theory // Journal of the American Psychoanalytic Association. — 1959. — № 7. — P. 389–417.
31. Edwards R., McCarthy J., Gillies V. Biological parents and social families: Legal discourses and everyday understandings of the position of stepparents // International Journal of Law, Policy and the Family. — 1999. — № 13. — P. 78–105. — URL: <https://socresonline.org.uk/7/1/edwards.html>.
32. Hamilton L., Cheng S. and Powell B. Foster parents, adaptive parents: assessing the importance of biological connections for parental investments // American Sociological Review. — 2007. — № 72. — P. 95–116.
33. Hamilton W. D. Genetic evolution of social behavior // Journal of Theoretical Biology. — 1964. — № 7 (1/2). — P. 1–52.
34. Levi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. — Boston : Beacon Press, 1969. — 524 p.
35. NeJaime D. The Nature of Parenthood // Law Journal. — 2260 (2017). — Yale Law School, Public Law Research Paper. — № 604. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2990640> (20.01.2022).
36. Snowden R., Mitchell G. D., Snowden E. Artificial Reproduction: a social investigation. — London ; Boston : G. Allen & Unwin, 1983. — 188 p.
37. Vaskovics L. Soziale Elternschaft // The Editors of the Journal. — 2020. — № 23. — P. 269–293.

Материал поступил в редакцию 30 марта 2022 г.

REFERENCES

1. Akinkina YaM. Printsipy «estestvennogo roditelstva» v sovremennykh semyakh [Principles of «natural parenthood» in modern families]. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2020;9(4):103-109. (In Russ.).
2. Alborov SV. Pravootnosheniya v sfere surrogatnogo materinstva [Legal relations in the sphere of surrogacy]. *Actual'nye problemy rossijskogo prava*. 2017;5:142-146. (In Russ.).
3. Antokolskaya MV. Semeynoe pravo: uchebnik [Family Law: textbook]. 2nd ed. Moscow: Jurist; 2002. (In Russ.).
4. Bahoven IYa. Materinskoe pravo [Maternity law]. Trans. from English, German, French. In: Krasnikov AN, editor. Classics of World Religious Studies. Moscow: Canon + Publ.; 1996. (In Russ.).
5. Belova DA. Soglasie na primenenie metoda iskusstvennoy reprodukcii i ego pravovoe znachenie dlya ustanovleniya proiskhozhdeniya rebenka [Consent to the Use of Artificial Reproduction and its Legal Significance for Establishing the Origin of the Child]. *Lex russica*. 2020;73(8):21-31. (In Russ.).
6. Voronina OA. «Novoe materinstvo»: filosofsko-antropologicheskii vzglyad [«New motherhood»: philosophical and anthropological view]. *Filosofskaya shkola*. 2018;6:104-109. (In Russ.).
7. Gusev MA. Institut ottsovstva v Respublike Kazakhstan: problemy pravovogo obespecheniya: dis. ... d-ra filosofii (PhD) [Institute of Fatherhood in the Republic of Kazakhstan: problems of legal support: Doctor of Philosophy Dissertation (PhD)]. Al-Farabi Kazakh National University: Almaty; 2020.
8. Eliseeva AA. O sovershenstvovanii semeynogo zakonodatelstva v oblasti pravovogo regulirovaniya lichnykh neimushchestvennykh otnosheniy [Improvement of Family Legislation of the Russian Federation in the Field of Regulation of Personal Nonmaterial Relations]. *Journal of Russian Law*. 2010;3(159):82-89. (In Russ.).
9. Erokhina EV. Semeyno-pravovye tsennosti v rossiyskom i evropeyskom semeynom prave [Family law values in Russian and European family law]. Orenburg: Press Agency Publ.; 2018. (In Russ.).
10. Ilyina OYu. Prava ottsov: de-yure i de-fakto [The rights of fathers: de jure and de facto]. Moscow: Gorodets Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Kirichenko KA. Evolyutsiya doktrinalnykh podkhodov k institutu rodstva v otechestvennom semeynom prave [Evolution of doctrinal approaches to the institution of kinship in domestic family law]. *Vestnik NSU. Series «Law»*. 2007;3(2):18-27. (In Russ.).
12. Komissarova EG. Otnosheniya po fakticheskomu vospitaniyu rebenka: problemy semeyno-pravovoy institutsionalizatsii [Relations on Actual Upbringing of a Child: Family and Legal Institutionalization]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2021;1:130-153. (In Russ.).

13. Komissarova EG. Sotsialnye ponyatiya v nauke semeynogo prava (na primere ponyatiya «sotsialnye roditeli») [Social Concepts in the Science of Family Law (On the Example of the Concept of “Social Parents”)]. *Ex jure*. 2021;4:21-33. (In Russ.).
14. Komissarova EG. Tayna usynovleniya v semeynom prave postmoderna: novye podkhody k starym kanonom [The Adoption Secret in Postmodern Family Law: New Approaches to the Old Canons]. *Lex russica*. 2022;75(3):19-33. (In Russ.).
15. Kosova OYu. O kontseptualnoy osnove razvitiya rossiyskogo semeynogo zakonodatelstva [A Conceptual Framework of the Russian Family Law development]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 2017;5:35-40. (In Russ.).
16. Krasnova TV, Alekseeva EV. Ottsy i deti: problem priobreteniya roditel'skikh prav muzhchinami (na primere zakonodatel'stva Rossii) [Fathers and Sons: Problems of Acquiring Parental Rights by Men (a Case Study of the Russian Legislation)]. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2016;34:426-439. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-34-426-439. (In Russ.).
17. Lavrentieva TV. Trudnosti primeneniya surrogatnogo materinstva kak odnogo iz metodov vspomogatelnykh reproduktivnykh tekhnologiy [Difficulties of using surrogate motherhood as one of the methods of assisted reproductive technologies]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2018;9:100-104. (In Russ.).
18. Malinovsky R. Semya sredi avstraliyskikh aborigenov: sotsiologicheskoe issledovanie [Family among Australian Aborigines: A Sociological Study]. London: Publishing House of the University of London; 1913. (In Russ.).
19. Mikheeva LYu. Perspektivy razvitiya semeynogo prava na rubezhe desyatiletii [Prospects of Family Law Development at the Turn of Decades]. *Family and Housing Law*. 2020;3:3-5. (In Russ.).
20. Mikheeva LYu. Razvitie rossiyskogo semeynogo zakonodatelstva. Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava [Development of Russian Family Legislation. Codification of Russian private law]. Medvedev DA, editor. Research Center of Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation. Moscow: Statute Publ.; 2019. (In Russ.).
21. Momotov VV. Bioetika v kontekste zakonodatelstva i pravoprimeneniya (surrogatnoe materinstvo) [Bioethics in the Context of Law-Making and Law Enforcement (Surrogate Motherhood)]. *Lex Russica*. 2019;(1):29-39. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.146.1.029-039. (In Russ.).
22. Nekrasova E. Nekotorye osobennosti vozniknoveniya roditelskikh prav i obyazannostey v stranakh Evropy [Some Features of the Emergence of Parental Rights and Duties in Europe]. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences*. 2019;4:298-303. (In Russ.).
23. Nizhnik NS, Burdanova NA. Kriterii opredeleniya subektov roditelskikh pravootnosheniy: biologicheskii i sotsialnye podkhody [Criteria for determining the subjects of parental legal relations: biological and social approaches]. In: Legal status and legal personality of an individual: theory, history, comparative studies: *Proceedings of the 8th International Scientific and Theoretical Conference: in 2 vols. Part 1*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2007. (In Russ.).
24. Ostanina EA. Obyazatelstva v sfere semeynykh otnosheniy, otnosheniy opeki i surrogatnogo materinstva [Obligations in the field of family relations, guardianship and surrogacy]. In: Karapetov AG, editor. Fulfillment and Termination of the Obligation: Commentary on Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos Publ.; 2022. (In Russ.).
25. Smirnovskaya SI. Ogranichenie roditelskikh prav po semeynomu zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk [Restriction of parental rights under the family legislation of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis. Moscow; 2007. (In Russ.).
26. Temnikova NA. Gosudarstvennaya registratsiya usynovleniya (udochereniya) v svete perekhoda k otkrytomu usynovleniyu [State registration of adoption in the light of the transition to open adoption]. *Herald of Omsk University. Series «Law»* 2013;2(35):92-97. (In Russ.).
27. Khazova O. Materinstvo. Otsovstvo. Proiskhozhdenie detey. Pravopreemstvo [Motherhood. Fatherhood. The Origin of Children. Succession]. In: Topornin BN, editor. Moscow: Jurist Publ.; 2001. (In Russ.).
28. Cherepanin EYu. Prezumpsiya otsovstva: postanovka problemy [Presumption of paternity: problem statement]. *Questions of Science and Education*. 2018;29(41):58-60. (In Russ.).
29. Bayne TA. Toward a Pluralist Account of Parenthood. *Bioethics*. 2003;17(3):221-242.
30. Benedekt Th. Parenthood as a developmental phase: A contribution to the libido theory. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 1959;7:389-417.

31. Edwards R, McCarthy J, Gillies V. Biological parents and social families: Legal diskourses and everyday understandings of the position of stepparents. *International Journal of Law, Policy and the Family*. 1999;13:78-105. Available at: <https://socresonline.org.uk/7/1/edwards.html>.
32. Hamilton L, Cheng S, Powell B. Foster parents, adaptive parents: assessing the importance of biological connections for parental investments. *American Sociological Review*. 2007;72:95-116.
33. Hamilton WD. Genetic evolution of social behavior. *Journal of Theoretical Biology*. 1964;7(1/2):1-52.
34. Levi-Strauss C. *The Elementary Structures of Kinship*. Boston: Beacon Press; 1969.
35. NeJaime D. The Nature of Parenthood. *Law Journal* 2260 (2017). Yale Law School, Public Law Research Paper. № 604. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2990640> [Accessed: 20 Jan 2022].
36. Snowden R, Mitchell GD, Snowden E. *Artificial Reproduction: a social investigation*. London; Boston: G. Allen & Unwin; 1983.
37. Vaskovics L. Soziale Elternschaft. *The Editors of the Journal*. 2020;23:269-293.